

Глава 37. Прощай, Брат Мой.

В штабе Лунных Теней в Метеоритном городе, Энн Лотт холодно произнесла: “Сэр, я собрала некоторую информацию о Лейгене”.

Она выглядела, не более чем на 15 или 16 лет, но любой кто с ней знаком, знает что относиться к ней как к маленькой девочке было бы большой ошибкой. По крайней мере, когда она помогала председателю гильдии в решении вопросов, она проявляла спокойствие и чувство уверенной стабильности, что очень редко для ее возраста. Многие пострадали за то, что недооценили ее, самым ярким примером был Алекс.

"Тогда передай мне", - сказал Вэрлис, приостановив свою работу.

Энн Лотт пролистала отчеты и вынула тонкий лист бумаги. Необработанный доклад содержал некоторые ненужные детали текущей жизни Лейгена, в том числе даже то, что он съел за последние несколько дней. Но Энн Лотт знала, что председателю не нужно знать эти вещи, поэтому ее работа заключалась в том, чтобы отфильтровать всю ненужную информацию. Она сообщила лишь о содержании, которое сочла полезным.

Хотя это звучало легко, правда была далека от этого. Несмотря на это, она всегда выполняла эту задачу безупречно. Она уже внимательно ознакомилась с докладом, который она предоставляла несколько раз. До этого она потратила полчаса на то, чтобы получить грубое понимание об информации, прежде чем суммировать необходимые части на этом листе бумаги.

Вэрлис посмотрел отчет и глубоко задумался.

"Балор все еще с орками?" - спросил он вдруг.

Вопрос появился из ниоткуда, Энн Лотт ответила в подготовленном стиле.

"Думаю, да. Согласно вашему предыдущему указанию, мы отправили ему приказ вернуться. Однако Балор никогда не следовал инструкциям. Поскольку мы не обнаружили никаких следов его в человеческом мире, он, вероятно, все еще на территории орков”.

Вэрлис нахмурил брови. Было очевидно, что этот человек немного беспокоил его.

"Свяжитесь с ним снова. По крайней мере, установите его текущее местоположение”.

"Поняла", - кивнула Энн Лотт.

Вэрлис вернулся к чтению отчета о Лейгене.

"По твоему опыту, как долго, по вашему мнению, ему понадобится на пробуждение своей силы? "

"Я не могу быть уверена, сэр, - извиняясь, ответила Энн Лотт, - у него никогда не было никакой официальной подготовки или руководства. Его ситуация может быть немного уникальной. Однако, на основе его действий в лесу Ночной Песни, можно предположить, что на это понадобится от одного до трех лет. Тогда же и раскроется весь его потенциал”.

“От одного до трех лет значит?”

Вэрлис размышлял, положив руку на подбородок. Он посмотрел на ледяную девушку с заинтересованным взглядом.

"Ты здесь уже почти 15 лет, верно?"

"Верно, сэр".

"Разве ты не чувствуешь себя взаперти после столь долгого пребывания здесь?"

"Вы дали мне жизнь, сэр. Для меня честь служить вам".

Несмотря на то, что она подозревала намерение за вопросом Вэлиса, ее тон этого не выдавал.

"Ты заинтересована в том, чтобы увидеть мир?"

"А?"

...

"Почему ты так на меня смотришь? Не бойся, я тебя не съем", - сказал Курдак со звуком, таким же грубым, как скрежет железа, в тот момент, когда он заметил, что Лейген смотрит на него с широкими, опухшими глазами.

"Босс, ты чуть не съел нас вчера", - сказал Лейген со страхом.

"Ну, это побочный эффект Цикла Лунной чаши. Я не мог это контролировать", - беспомощно сказал Курдак.

Накануне Курдак пережил первое полнолуние после употребления зелья. Как и обсуждалось ранее, Лейген и Вера привязали его к дереву с таким толстым стволом, как баобаб, прежде чем смотреть на то, как он превратился из медведя в оборотня. Вскоре после этого началась ужасная пытка. Первыми вещами, что изменились в Курдаке, были его зубы.

Всего за одну короткую минуту два верхних его длинных клыка выросли на сантиметр. Они торчали из его рта. Их белые блики вселят страх в любого человека. Его волосы тоже росли. Несмотря на то, что он не был покрыт с головы до ног, как настоящий оборотень, его и без того волосатое тело стало еще более диким, как пещерный человек, под воздействием алхимического зелья.

Кровожадность быстро заполнила его сознание, подавляя его рациональность и заставляя его смотреть на двух своих товарищей с безумием. Несмотря на то, что его первобытные желания сводили его с ума от желания укусить, толстые веревки связывали его, он вообще не мог двигаться.

Леденящие душу крики и рев разносились по лесу. Сначала Лейген и Вера беспокоились, что это привлечет других страшных монстров. Но они забыли, что оборотни сами были невероятно страшными монстрами. Более слабые монстры в этом районе дрожали, услышав крики Курдака. Никто не смел подойти. Это была единственная причина, по которой напряженная ночь прошла без происшествий.

К рассвету Курдак медленно вернулся к своему старому "я". Он выглядел слабее, чем когда-либо. Однако это не удивило его двух товарищей, ведь любое живое существо, воющее и борющееся без остановки в течение целой ночи, несомненно, будет истощено. Курдак был не единственным, у кого закончилась энергия. Ни Лейген, ни Вера не сомкнули глаз за всю ночь из-за Курдака. Даже если они были абсолютно уверены, что веревка будет держаться, они не могли заснуть, учитывая шум, стоящий вокруг. Вера сказала, что ей нужно выспаться и

заползла в свой спальный мешок в момент, моментально отключившись, предоставив Лейгена самому себе. Он был настолько измотан, что ему пришлось дать себе несколько пощечин, чтобы не заснуть.

После тревожных происшествий ночи, единственным бодрствующими остался маленький Лейген, который, по правде говоря, и был самым уставшим из всех. Просто глядя на его заплаканные глаза и пухлые мешки под ними, а также его щеки - опухшие от пощечин — Курдак понял, почему юноша был так печален.

Курдак и Вера проснулись к полудню, и Лейген был уже онемевшим от усталости. После небольшого обсуждения, они решили сначала найти труп Сираноса, прежде чем нормально отдохнуть.

Хоть Лейген и сказал, что он рассыпал какой-то алхимический реагент, предотвращающий гниение, по телу и покрыл окружающую область репеллентом от зверей, даже он чувствовал необходимость спешить. Он чувствовал вину за то, что слишком надолго оставил тело близкого товарища в дикой природе.

К счастью, тело Сираноса оставалось там, где его и оставили, нетронутым.

"Я вернулся, брат", - сказал Курдак, медленно садясь рядом с Сираносом.

Его грубый голос только заставил его слова звучать еще глубже.

Вера и Лейген со слезами смотрели на своего товарища, впавшего в вечный сон. Хотя их путешествие после отъезда из эльфийского поселения было довольно спокойным, они поняли, что не могут избежать факта смерти Сираноса. Они не могли просто забыть молчаливого, но красивого мужчину.

"Сиранос..."

Лейген посмотрел на тело и почувствовал подкатывающие слезы. Даже если он уже отомстил за Сираноса, убив орков, порыв, доставшийся ему от возмездия, не мог заполнить пустоту, оставленную смертью Сираноса.

Вера слегка похлопала его по плечу. Она махнула рукой, указывая следовать за ней.

"Курдак - это тот, кого больше всего касается эта смерть, - мягко сказала Вера, начав устанавливать палатки, - задолго до того, как я их встретила, они уже были вместе. Я спросила Курдака, как они познакомились ... но он не удосужился мне ответить".

Лейген спокойно посмотрел на сидящего Курдака. Он так привык к обычному шумному поведению этого человека. Увидев его таким тихим, он почувствовал легкий укол в своем сердце.

Он действительно опустошен, да? Как мог он, который всегда улыбается, превратиться в монстра и стать таким мрачным?

"Так как ты не спал два дня, я возьму ночной дозор сегодня вечером. Хорошо отдохни. Что касается Курдака... пусть он останется с Сираносом" - вздохнула Вера.

...

Волна усталости погрузила Лейгена в невероятно глубокий сон. Когда он проснулся, он совсем не чувствовал себя отдохнувшим. В тот момент он подумал о Сираносе, и его сердце наполнилось печалью.

Глаза Курдака были красными, а его волосы были взлохмачены. На его щеках были следы слез. Он, должно быть, отходил рыдать куда-то, чтобы другие не могли видеть.

После того, как они с почестями проводили в последний путь умершего Сираноса, они кремировали останки. Было слишком распространено среди наемников — закончить как животный помет в дикой природе, поэтому кремация останков была достойной и широко принятой практикой.

Глядя на тело, горящее в огне, Курдак провел прощальную церемонию.

"Прощай, Брат Мой", - прошептал он.

Трое разобрались с пеплом и приготовились уходить. Однако именно в этот момент появились четыре человека.

<http://tl.rulate.ru/book/12896/287611>